

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 111

DOI: 10.17223/1998863X/63/1

А.Г. Андрушкевич, В.А. Ладов

«СТРАТЕГИЯ СЛИЯНИЯ» МАЙКЛА С. МУРА И ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ОНТОЛОГИИ ПРАВА

В статье рассматривается сформулированная Майклом С. Муром «стратегия слияния», которая определяется как вариант скептического ответа на вопрос онтологии права. Приводятся аргументы в пользу того, что «слияние» не следует рассматривать в качестве скептического основания. Анализируется подход Герберта Харта к построению правовой онтологии и приводится ряд критических соображений по поводу скептицизма теории юридического языка.

Ключевые слова: право, онтология права, аскрипция

В настоящей работе мы разберемся в существе так называемой «стратегии слияния» (*the fusion strategy*), сформулированной профессором Иллинойского колледжа права Майклом С. Муром. С точки зрения Мура, «стратегия слияния» являет собой один из шести вариантов ответа на вопрос о месте, которое занимают в нашем мире юридические вещи (*legal things*) и/или юридические качества (*legal qualities*). В своей работе «Правовая реальность: натуралистический подход к правовой онтологии» профессор Мур формулирует данный вопрос следующим образом: «в каком смысле существуют юридические вещи: где они, как они соотносятся с неправовыми фактами, от которых они в каком-то смысле зависят?» [1. Р. 632]. Несмотря на то, что непосредственно «стратегии слияния» в работе посвящено не более трех страниц, она представляет для нас определенный интерес. Дело в том, что данный подход, с точки зрения американского правоведа, является формой скептического отношения к самой возможности построения онтологии права. Мур пишет, что сторонник «стратегии слияния» «утверждает, что вы никогда не верили, что такие вещи действительно существуют» [Ibid.], и, более того, в качестве иллюстрации приводит теорию юридического языка Герберта Харта. В рамках данного исследования мы, во-первых, постараемся детально рассмотреть изложенную Муром позицию и, во-вторых, продемонстрируем, что теорию юридического языка Харта не следует позиционировать в качестве скептически ориентированной в вопросе правовой онтологии.

Итак, о каком же слиянии идет речь? Разъясняя саму скептическую концепцию, Мур обращается к фразам «on behalf of» и «for the sake of», которые, по всей видимости, следует интерпретировать как «от имени» (например, поздравление от имени коллектива) и, соответственно, «во имя» или же «во благо» (во имя нашей веры/во благо всех людей). Учитывая все дальнейшие рассуждения профессора Мура, данный пример необходим для иллюстрации таких лингвистических средств, которые если и могут обладать неким рефе-

рементом, то лишь в ситуации, когда они являются частью предложения. В ситуациях, когда мы прибегаем к использованию «от имени» или «во благо», речь в самом деле не идет ни о каких именах и тем более ни о каком-либо благе. Аналогичным образом дела обстоят с такими фразами, как «интеллектуальный гном». Совершенно верным мы полагаем замечание, что для данного выражения мы не смеем полагать, что имеется некий сказочный низкорослик в качестве референта. В данном случае выражение никоим образом не относится к гномам в буквальном смысле слова и, следовательно, «гном» обладает значением лишь в своей связи с соответствующим модифицирующим прилагательным. Куайн называет подобные слова (а это, заметим, необязательно существительные) синкатегорематическими [2. Р. 94] и полагает, что их не следует рассматривать в качестве самостоятельных терминов. Специфика подобных терминов в том, что они не в состоянии обладать значением сами по себе, будучи «вырванными» из изначальной фразы, в состав которой они входят.

С точки зрения скептика, аналогичным образом обстоят дела и с юридически значимыми терминами. Если мы обратимся к словосочетанию «тайна голосования», то вне определенного значения оно не может обладать референтом. Однако ситуация кардинально меняется, если мы начинаем рассматривать фразу «Моя тайна голосования была нарушена», для которого мы якобы можем определить с референтом. Сейчас следует сделать первое замечание по поводу рассуждений профессора Мура, который никак, однако, не уточняет характера референциональной связи между языковым выражением и неким фрагментом действительности. Мы не будем заострять на этом внимания лишь в силу того, что далее косвенно раскроем механизм связи языка и реальности при употреблении юридических выражений.

Собственно, именно приведенное выше обстоятельство Мур и определяет в качестве ситуации слияния: «фразы „слиты“, то есть единицей семантического значения здесь является не слово, а фраза» [1. Р. 637]. Таким образом, суть «стратегии слияния» заключается в том, что посредством объединения слов в большую языковую конструкцию снимается вопрос о возможности их (слов) референции. Однако по-прежнему остается не до конца понятным, в чем именно заключается скептицизм рассматриваемой стратегии.

Для Майкла Мура, стремящегося оправдать метафизические притязания лингвистической философии, определяющую роль в построении его натуралистической онтологии играет возможность безусловной референции терминов. Подход, в рамках которого значение рождается из горизонта предложения, для него оказывается неприемлемым. «Стратегия слияния» лишает американского профессора возможности построения ожидаемой правовой онтологии, если юридически значимые термины наделяются конкретным значением исключительно в контексте предложения. Однако для философско-правового исследования открываются новые возможности, стоит нам сделать допущение о том, что референциональная функция языка может реализовываться различными способами в зависимости от отличительных особенностей синтаксических единиц и посредством разнообразных функций языка. Более того, мы полагаем, что Мур в своих критических замечаниях в адрес теории юридического языка Харта косвенно указал вариант если не

построения исчерпывающей онтологии права, то как минимум перспективу ее формирования.

Далее определим, почему Герберт Харт квалифицируется Муром как сторонник «стратегии слияния». Ссылаясь на ироничное замечание Харта об онтологии трюков, используемых в игре в бридж [3. Р. 33], Мур проводит аналогию с юридической онтологией. Как невозможны приемы карточной игры вне игры, так и невозможны юридические объекты вне правовой практики. Так, с позиции Герберта Харта, те юридические вещи и качества, которые должны составлять онтологию права, открываются для нас именно в ситуациях реализации права. Здесь мы обнаруживаем более глобальную ситуацию «слияния» норм права и правоприменения. Далее Мур демонстрирует, каким образом термин «сливается» с фразой, что, тем не менее, не должно приводить нас к ситуации «синтаксической двусмысленности». Мур утверждает, что юридические термины «действуют как обычные существительные, к которым могут быть присоединены многие глаголы и прилагательные» [1. Р. 638]. И далее: «Короче говоря, нет слияния этих слов в словосочетания, соблазняющие нас рассматривать фразу как наименьшую единицу семантического значения» [Ibid.].

Если мы обратимся, допустим, к ситуации, в которой судья, вынося судебное решение по апелляционному делу, сообщает: «Суд оставляет приговор без изменений», то должны ли мы все-таки рассматривать предложение в качестве семантической единицы или, вероятно, значением в той или иной форме обладают составляющие его слова, в том числе юридически значимое «без изменений»? Каким образом термины «суд» и «без изменений» реализуют свои референциальные функции? Лолита Брониславовна Макеева пишет о феномене референции: «Иначе говоря, референция представляет собой действие, совершаемое людьми. Эта трактовка была создана в рамках философии языка в противовес другой трактовке, в соответствии с которой референция является отношением, имеющим место между элементами языка и компонентами предметной области, для репрезентации которой он предназначен» [4].

Если следовать мысли Мура, то обычные существительные и юридически значимые термины осуществляют свою референциональную функцию одинаковым образом. Однако для нас не до конца понятно, как это возможно. В ситуации употребления приведенного выражения референт для термина «суд», если мы не ошибаемся, должен угадываться интуитивно, тем более с учетом того, что в условиях действительной юридической практики не допускает столь тривиального употребления, обычно используется конкретное именование единственного суда. Так, к примеру, это может быть «Советский районный суд города Томска», что подводит нас к неизбежному принятию пресуппозиции тождества имен «суд» и «Советский районный суд города Томска» в рамках конкретного судебного разбирательства. Референциональная связь между словом «суд» и единственным соответствующим ему учреждением очевидна. Но точно так же очевидна ли связь между «без изменений» и неким фрагментом реальности? Имеет ли на самом деле место нечто такое, что референциально соответствует словам «без изменений»?

Для большей наглядности попробуем несколько детализировать данный пример. Как можно догадаться, гражданин обращается в суд апелляционной

инстанции с целью обжалования ранее вынесенного решения. В результате рассмотрения судья постановляет, что вынесенное ранее решение остается без изменений. Постановление суда выступает в роли некоего итога или результата тем событиям, которые имели место в зале заседания суда. По всей видимости, данными событиями вполне могли быть прения сторон и / или ознакомления с новыми ранее недоступными материалами по рассматриваемому делу. Однако что представляет собой именно правовой итог для всех тех событий? Очевидно, что это итоговое постановление суда. Но что может ему соответствовать в качестве референта? Если отталкиваться от мнения Стросона, который пишет о «референции к конкретному лицу, или единичному предмету, или отдельному событию, или месту, или процессу» [5. С. 55], то нет ничего такого, что соответствовало бы юридически значимому термину «без изменений». Вероятно, можно возразить, что приведенный юридический термин нетипичен или, допустим, является неприятным для сторонника натуралистической онтологии исключением. Но мы убеждены в том, что построение юридической онтологии не должно быть выборочным, включающим «удобные» для теории термины и качества.

Итак, в рассмотренной выше ситуации намечается именно скептическая установка. По замечанию профессора Мура, для теории юридического языка Харта характерна тяга к «слиянию»: термин «без изменения» обретает свое значение исходя из того предложения, частью которого он является. Попробуем далее проанализировать с точки зрения теории Харта предложение «Суд оставляет приговор без изменений».

Первое, на что нужно обратить внимание, это то, что в момент оглашения решения происходит приписывание именно юридического (в нашем случае судебного) статуса. По всей видимости, правовой статус приписывается тому обстоятельству, что в результате рассмотрения дела в апелляционном порядке вынесенный ранее приговор остается без изменений. Мы полагаем, что юридически значимое «без изменений» представляет собой не то же самое, что повседневное «без изменений». Так, например, мы можем наблюдать бросок игральной кости, в результате которого выпадет 5. Далее можно перебросить кубик, но в нашем примере опять выпадет 5. Иногда о таких ситуациях мы говорим: «Я перебросил, но без изменений», что, несомненно, означает, что во второй раз выпало то же самое, что и после первого броска. Однако юридически значимое «без изменений» никак не может свидетельствовать о том, что в результате рассмотрения дела в апелляционном порядке опять был вынесен обвинительный приговор. Более того, обращаясь к выражению «Суд оставляет приговор без изменений», мы обнаруживаем, что судья приписывает определенный юридический статус. Правовой статус, в свою очередь, приписывается внеправовому факту, т.е. результату тех определенных событий, которые имели место.

Если мы рассматриваем употребление юридических выражений в качестве перформативного действия [6], то возникает ситуация «слияния», во-первых, непосредственной нормы права и прецедента правоприменения и, во-вторых, термина с предложением.

Приведем еще одну иллюстрацию. Фраза «Я имею право на бесплатное высшее образование», очевидно, приписывает агенту речи определенное право, суть которого в возможности получения бесплатного высшего образова-

ния. С точки зрения Мура, если не имеет места ситуация, при которой онтологически состоятельна возможность существования данного «права на высшее образование» вне предложенного высказывания, то невозможна и онтология права. Безусловно, мы оказываемся слегка категоричными, говоря именно о невозможности построения онтологии права. Напомним, что сам Мур определяет позицию именно как скептическую, т.е. отрицающую какой-либо референт фразы, входящей в состав юридически значимого предложения. Однако отталкиваясь от аскриптивности юридических высказываний, мы получаем следующую картину. Некий гражданин заявляет: «Я имею право на бесплатное высшее образование», чем приписывает себе соответствующее право. Мы находим очевидным, что именно в акте употребления (т.е. приписывания права, которое осуществляется в момент употребления) актуализируется конкретная ситуация наличия данного права. Другими словами, норма права выступает в роли определенного правила, следуя которому, возможно осуществление акта приписывания определенного юридического качества или определенной юридической вещи. Если зафиксированная в законодательстве норма права представляет собой лишь правило, согласно которому следует определять тот или иной образ действия, то каким образом правило можно рассматривать в качестве юридического объекта? Именно здесь и начинается «слияние» права и правоприменения, которое позволяет нивелировать сам онтологический вопрос, поскольку правило не есть онтологический объект.

Однако мы с определенной долей оптимизма полагаем, что записывать Харта в ряды скептиков не следует. Постараемся аргументировать нашу позицию. Во-первых, как уже было сказано, отталкиваясь от теории аскриптивности юридических высказываний, мы заключаем, что та или иная норма права выступает именно в роли правила, задача которого определить тот или иной образ действия. Таким образом, к примеру, Уголовный кодекс РФ является не скопищем юридических свойств и вещей, но определенным набором правил и установок.

Далее, возьмем понятие «противоправность». По всей видимости, Мур считал бы его именно юридическим качеством и предположил бы, что оно должно в той или иной степени иметь место. Мы полагаем, что обстоятельство, при котором понятие «противоправность», входящее в выражение «противоправное поведение Билла», никак не может иметь референта, не должно вызывать сомнений. Однако стоит нам говорить о референте для выражения «противоправное поведение Билла», как мы можем обнаружить, что Билл громко слушал музыку после полуночи, что противоречит, допустим, определенному положению административного права. Однако нам не следует делать вывод о том, что таким образом онтология права нивелируется.

Во-вторых, наш оптимизм по поводу теории Харта заключается в установке, согласно которой для построения онтологии права необходимо обращать внимание не на нормы права, но на ситуации реализации правовых качеств и вещей. Сам Мур акцентирует, что правовые вещи «в каком-то смысле зависят» [1. Р. 632] от неправовых фактов. Теория аскриптивности юридического языка не только позволяет преодолеть проблему определения значения юридических терминов, но и представляет собой крайне удачный, на наш взгляд, вариант уточнения этой связи. Многообразие правовых норм представляет собой сово-

купность правил, которые позволяют юридически определить внеправовые вещи, явления и события. Так, к примеру, Билл громко слушает музыку ночью, а соответствующая норма права позволяет юридически описать событие, которое само по себе не является юридическим.

Таким образом, мы вынуждены заключить, что Майкл Мур, детализируя «стратегию слияния», ошибочно записывает сторонников определения права через правоприменение в ряды скептиков. Далее, Герберт Харт, по всей видимости, также не является скептиком в вопросах построения онтологии права, и его теория юридического языка в определенном смысле является гораздо более близкой к реализму, чем стремление референционально определить значение таких понятий, как «обязанность», «право» или «преступление».

Литература

1. Moore M.S. Legal reality: a naturalist approach to legal ontology // *Law and Philosophy*. 2002. Vol. 21, № 6. P. 619–705.
2. Quine W.V. Word and object. Massachusetts : The MIT Press, 2013. 277 p.
3. Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 1983.
4. Макеева Л.Б. Некоторые соображения о связи между референцией и онтологией // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-soobrazheniya-o-svyazi-mezhdu-referentsiey-i-ontologией> (дата обращения: 25.07.2021).
5. Стросон П.Ф. О референции // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. М., 1982. С. 55–86.
6. Андрушкевич А.Г., Аскриптивные выражения и конструирование реальности // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 56. С. 5–12.

Alexandr G. Andrushkevich, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Vsevolod A. Ladov, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ladov@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 5–11.

DOI: 10.17223/1998863X/63/1

MICHAEL S. MOORE'S "FUSION STRATEGY" AND A LEGAL ONTOLOGY CREATION POSSIBILITIES

Keywords: law; legal ontology; ascription

The “fusion strategy” formulated by Michael S. Moore is a kind of a skeptical answer to the question of the ontology of law. From the point of view of Professor Moore, the theory of legal language by Herbert Hart is one of the variants of the “fusion”. On closer examination, we come to the conclusion that skepticism, which is a consequence of the “fusion” of the meaning of a word with a sentence, is relevant only when we insist on the variant of naturalistic legal ontology. For legally significant terms, it is impossible to determine the referent if they are excluded from the original sentence. The theory of the ascriptions of legal expression opens up new perspectives for the construction of a legal ontology. An example is the difference between the rule of law and law enforcement: if a rule of law is a rule that determines a certain course of action, then the specific situation of using the legal language allows establishing a connection between language and reality. Consequently, Hart’s theory is wrong to qualify as skeptical.

References

1. Moore, M.S. (2002) Legal reality: a naturalist approach to legal ontology. *Law and Philosophy*. 21(6). pp. 619–705. DOI: 10.1023/A:1021967205087
2. Quine, W.V. (2013) *Word and Object*. Massachusetts: The MIT Press.

3. Hart, H.L.A. (1983) *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
4. Makeeva, L.B. (2010) Nekotorye soobrazheniya o svyazi mezhdru referentsiey i ontologiy [Some considerations about the relationship between reference and ontology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-soobrazheniya-o-svyazi-mezhdu-referentsiey-i-ontologiy> (Accessed: 25th July 2021).
5. Strawson, P.F. (1982) O referentsii [About the reference]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 13. pp. 55–86.
6. Andrushkevich, A.G. (2020) Ascriptive Expressions and the Construction of Reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 56. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/56/1